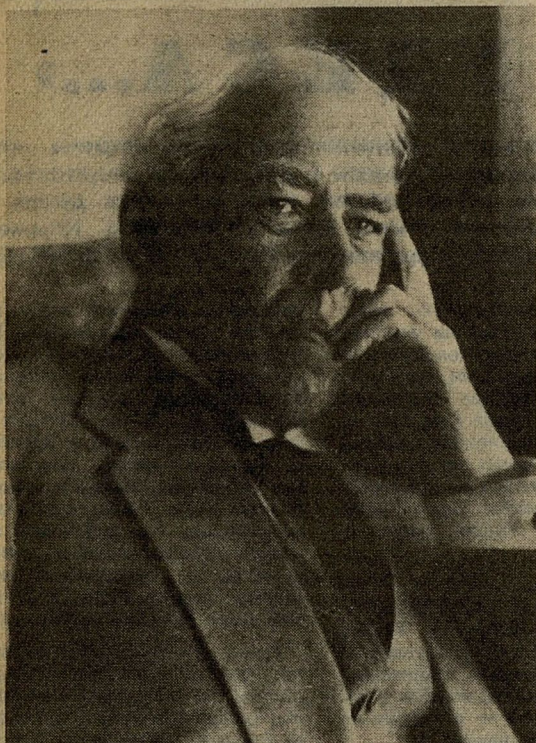

17

ЯНВАРЯ

1988 ГОДА

ИСПОЛНЯЕТСЯ

125

ЛЕТ

СО ДНЯ

РОЖДЕНИЯ

К. С. СТАНИ-

СЛАВСКОГО

КОГДА размышляешь о тех, кто полнее всех представляет художественную культуру России XX века, на память приходят сразу два имени: М. Шолохов и К. Станиславский.

Знаменитый реформатор сцены. Выдающийся актер, режиссер и теоретик. Организатор Московского Художественного театра, снискавшего мировую славу. Создатель универсальной системы воспитания актера. Авторитетный педагог. Таковы общепризнанные заслуги замечательного сына России Константина Сергеевича Алексеева, вошедшего в историю культуры под своим сценическим псевдонимом Станиславский.

Но он был еще и талантливым литератором. Его воспоминания «Моя жизнь в искусстве» вошли в золотой фонд нашей мемуаристики. Общее литературное наследие Станиславского огромно как по объему, так и по кругу и масштабу затронутых тем, имен, проблем и вопросов.

Сегодня уже принадлежат минувшему спектакли и роли Станиславского — их не воскресить. Оскудел и отчасти замутился ручеек живой сценической эстафеты, идущей от корифея к его непосредственным ученикам (их почти не осталось) и последователям. Но остались его книги и запечатленные в них великие открытия, уроки, заветы. Они продолжают питать современное искусство, помогают развивать духовную культуру.

Ныне мы знаем о Станиславском почти все, изучены и многократно описаны его постановки и роли, его «система», его биография. И все же... По мере удаления от дат его жизненного пути все яснее становится неполнота нашего постижения его открытий, все больше изумления вызывает эта громада совершенного, глубина прозорливости, необъятная широта затронутых и разгаданных тайн сценического искусства. Нет, конечно, не случайно одну из глав своей книги «В спорах о Станиславском» крупнейший исследователь его творчества Владимир Николаевич Прокофьев назвал «Вперед, к Станиславскому!». Главный триумф его наследия — впереди, в будущем. Не случайно и название упомянутой книги — «В спорах...». Такого размаха и насыщенности споров и дискуссий, которые сопровождали искания и открытия Станиславского, не знало, пожалуй, ни одно имя в истории театра. Сколько хвалы и дифирамбов довелось ему слышать, но, быть может, в еще большей мере — беспощадных разносов, изощренной брани, свирепых нападков.

Иногда хулы объяснялись обычным — дистанцией между личностью и гением, в котором так много и недоступного, непонятого, первого взгляду. Но, пожалуй, чаще Станиславского атаковали те, кто, разгадав направление его творчества, отвергал его как идейного врага, со всей яростью и непримиримостью борцов, исповедовавших совсем другие идеалы и цели (такова была, например, господствующая тенденция нашей театральной критики 1920-х годов).

...Споры о Станиславском. Легенды о нем. Восхищенные голоса учеников и последователей. Ядовитые сарказмы «Театрального романа» М. А.

М. ЛЮБОМУДРОВ

ВПЕРЕД, К СТАНИСЛАВСКОМУ!

Булгакова, где актер выведен под именем Ивана Васильевича. Наскоки противников и злое шипение жадущих поставить «искусственно раздутую» фигуру на место. Громкие вскрики и ироничные колкости по адресу современных «ретроградов», не желающих понять, что обретения Станиславского — «вчерашний день театра»... Нет, полемика эта не иссякает, а в последние десятилетия приобрела особую накаленность, как, впрочем, и в связи с другими пластами русского культурного наследия. Но вопреки натиску ниспровергателей Станиславский живет и продолжает бороться, помогая отстаивать и утверждать на современной сцене идеалы, которым посвятил свою жизнь. Этому способствует и центральный его труд — двухтомная «Работа актера над собой».

Мы говорим о книгах Станиславского. Но и в его собственной жизни книги всегда занимали чрезвычайное место. Он был «европейски образованным человеком», великолепно знал историю литературы и искусства, свободно говорил по-французски и по-немецки. Проявлял глубокий интерес к философии, к психологии и физиологии человека. Между тем в его, так сказать, послужном списке — всего три класса классической гимназии и два — частного пансиона. Обучение в семье Алексеевых (отец Станиславского С. В. Алексеев был одним из богатейших фабрикантов Москвы) было по преимуществу домашним — у детей не было недостатка в учителях и гувернерах. «Родители не жалели денег и устроили нам целую гимназию», — вспоминал Станиславский. Казенную же гимназию он невзлюбил за серую безрадостность, формализм, бессмысленное истязание памяти, за то, что во имя «классического образования» там водворялись порядки, «нередко идущие вразрез с природой русского человека».

Непосвященного читателя, вероятно, ошеломит сообщение о том, что в общепринятом смысле Станиславский — бесспорный лидер мирового театра XX столетия — не имел никакого специального образования, не учился ни в каком специальном учебном заведении — ни в среднем, ни в высшем, не имел никаких дипломов.

Секрет высочайшего профессионализма Станиславского заключается в необычайно развитом у него таланте самообучения. Рано почувствовав свое призвание, он все свои силы подчинил его развитию, не отвлекаясь ни на какие другие цели. Разумеется, нужны были — и нашлись! — могучий характер, непреклонная воля, настойчивость, сосредоточенность.

Будущий корифей и реформатор оказался еще и гением работоспособности. Работа, работа... Работа над собой... — с этих слов будут начи-

наться заглавия его книг. Титанический труд сопровождал его всю жизнь, до последнего вздоха. Это непрерывное трудовое напряжение утомляло, порой изнуряло, но не разрушало, не сжигало его, ибо в нем и заключалось его счастье. Станиславский не был честолюбцем. Смысл и цель жизни он понимал как служение людям, Делу.

Наследие Станиславского, его книги, статьи, речи, записные книжки содержат немало уроков, которые со временем приобрели особую злободневность.

Да, он много сил отдал «почве искусства». Но посев и жатва виделись ему за его пределами. Станиславский усматривал сверхзадачу эстетического творчества в содействии духовному обновлению мира, в борьбе за очищение души человечества, в воспитании у людей стремления «жить лучшими чувствами и помыслами души».

В эпоху, когда, как писал он, «кинематограф и зрелищный, забавляющий, постановочный спектакль забивают театр и его подлинное искусство» (в наши дни этот натиск обрел удесатеренную силу), режиссер ратовал за «другой», идейный театр, который нужен человечеству для самых высоких целей — создавать подлинную жизнь человеческого духа на сцене, «согреть душу простого зрителя», но одновременно показывать и «душу целого народа».

Корифея особенно тревожила проблема национальной самобытности рус-

сочинений Станиславского, несколько томов — Немировича-Данченко и десятки других книг, подготовленных усилиями комиссии. Целая театральная библиотека!

Но можно ли забывать, что очень многие издания приходилось буквально пробивать, в муках преодолевая ожесточенное сопротивление противников. Приведу строки из письма В. Н. Прокофьева автору (10 июля 1979 г.), в котором отразилась атмосфера борьбы за наследие Станиславского: «Я отлично понимаю состояние человека, находящегося во враждебном окружении. Понимаю потому, что сам это хорошо почувствовал, да и чувствую сейчас на своей шкуре. Когда наш театр снова захлестнула волна мейерхольдовщины, субъективизма и волюнтаризма, когда всячески поносили и третировали тех, кто оставался верен этому наследию, продолжал мужественно его защищать, то создавалось такое впечатление, что, издавая труды Станиславского, мы совершаем какое-то преступление перед искусством. Перебуганные всеми этими демагогическими криками противников «системы» (издатели. — М. Л.) отказывались издавать труды самого Станиславского. Потом покажется невероятным, что сочинения Станиславского не издавались с 1961 года. Издавались работы о Станиславском, но не самого

ского театра, ее сохранения и упрочения. В начале 1920-х годов в связи с агрессивной авангардистской, космополитическими тенденциями в художественной жизни он волновался по поводу тяжелого положения русского национального театра, в сферу которого он включал театры: провинциальный (он «разрушен»), Александринский в Петрограде, московские Малый и Театр Корша и наиболее сохранивший устой — МХАТ. Многие мысли Станиславского и сегодня звучат остро современно. Оценивая театральную Москву первых послереволюционных лет с ее «огромным количеством театров и направлений», он замечал: «Пусть все из них интересно, нужны. Но далеко не все из них органичны и соответствуют природе русской творческой души артиста. Многие из новых театров Москвы относятся не к русской природе и никогда не свяжутся с нею, а останутся лишь на ростом на теле». Критикуя псевдоноваторство, компилятивность, бездушность и бездуховность «левых» сценических течений, основанных, как правило, на «теориях иностранного происхождения», Станиславский всматривался в корни опасной болезни. «Большинство театров и их деятелей — не русские люди, не имеющие в своей душе зерен русской творческой культуры», — писал он.

...Особая тема — издание произведений Станиславского. На мой взгляд, этому делу у нас не уделяется должного внимания. Многие годы не движется с места вопрос о новом, расширенном издании собрания сочинений Станиславского (первое завершилось в 1961 году). Назрела острая потребность в библиографическом пособии. В 1946 году вышел из печати обстоятельный библиографический указатель А. Аганбеяна «К. С. Станиславский». Но тираж его — всего тысяча экземпляров, и прошло с той поры уже более сорока лет. Хорошо, что у издательства ВТО нашлись силы для библиографического указателя по В. Э. Мейерхольду (1974). Крайне необходимо продолжить и работу А. Аганбеяна — издать новый указатель литературы о К. С. Станиславском.

Неутомимым пропагандистом творчества Станиславского был В. Н. Прокофьев, увы, ныне покойный. Последний его труд — подготовленный к печати двухтомник «Из записных книжек Станиславского» — вышел из печати в 1986 году, уже после смерти составителя и редактора. Более тридцати лет Прокофьев возглавлял Научно-исследовательскую комиссию по изучению и изданию наследия Станиславского и Немировича-Данченко при МХАТе. Под его руководством и при его участии публиковались хорошо известные теперь труды основателей Художественного театра. Сегодня на наших полках стоят восемь томов

Станиславского. Боялись. Четверть века я бился за то, чтобы издать лучшие его партитуры, подготовленные нами, и только сейчас лед тронулся, да и то с огромным скрипом...

Неудивительно, что книга самого Прокофьева «В спорах о Станиславском» замолчена нашей критикой. А между тем это — лучшее, что написано о Станиславском за последние полвека. Книга вышла в издательстве «Искусство» дважды (1962, 1976) общим тиражом 100 тысяч. В этой работе содержится ряд новых фактов, она богато иллюстрирована, но написана на удивление холодным, равнодушным пером, в ней мало жизни души Станиславского, весьма поверхностно осмыслены его путь и открытия. Столь странные издательские предпочтения наводят на неутешительные размышления...

Остро необходимо третье издание труда «В спорах о Станиславском». И, конечно, было бы весьма полезно ускорить публикацию сборника работ В. Н. Прокофьева (статей, рецензий, писем и т. п.). Обращаюсь к издательствам, в которых не угас патриотизм, не утасла любовь к отечественной культуре и ее подвижникам — сделайте доброе дело, издайте такой сборник.

...Начав задуманное Дело, как известно, едва ли не в одиночку, с небольшой группой соратников, Станиславский в конце концов собрал под свои знамена неисчислимые массы единомышленников и последователей. Его собирательная энергия одержала победу чрезвычайного значения. Его искусство, его идеи как мощный колокол сзывали разных людей к общенациональному (и общечеловеческому!) единству на основе высочайших гражданских, нравственных, эстетических идеалов, завещанных ему великой русской культурой. В ее духовное пространство уходят корни той универсальности, которая так поражает в Станиславском — в его творчестве, деяниях и мировоззрении.

В неотступном, неутомимом, бесстрашном и мужественном служении благородным собирательным целям и заключалась историческая миссия Станиславского. Свой идеал он исполнил на самом себе. Много ли найдется в России XX века деятелей, которые бы с таким упорством, с такой нравственной силой и бескомпромиссностью послужили Родине, как служил ей основатель Художественного театра? И разве не повторим мы сегодня слов, сказанных о нем когда-то Александром Блоком: «Я думаю, Станиславский — самый талантливый человек в России».